

DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-608-638

Отражение идеи аккультурации в переселенческой политике Российской империи в Туркестане на рубеже XIX–XX вв.

С.Н. Брежнева

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина
196605, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10
brezhneva_s_n@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается переселенческая политика Российской империи в Туркестанском крае в контексте аккультурации. Ее идея была заключена в самом принципе имперской политики России, которая рассматривала Туркестан как свою национальную окраину и считала русификацию делом недалекого будущего. Отмечается, что переселение русских крестьян в Туркестан регулировалось общепринятыми по России законодательными нормами, но имело свои местные особенности. Свообразие русской колонизации заключалось в том, что, во-первых, в крае проживало иноязычное население с другим менталитетом и другой религией; а, во-вторых, Туркестан в большинстве территорий был завоеван силой оружия, и это обстоятельство не добавляло доверия местного населения к российской власти. Тем не менее, по мнению автора, основания для аккультурации были в начале переселенческого процесса, когда между русскими поселенцами и местными жителями стали устанавливаться хозяйственные взаимоотношения. Анализ дальнейшей переселенческой политики Российской империи приводит к выводу, что препятствием для дальнейшей аккультурации были как объективные, так и субъективные причины. К объективным причинам следует отнести разную конфессиональную направленность, отличительные черты в менталитете, отдаленность территории от России. Субъективные причины заключались в неверном решении царской власти об изоляции русскоязычного населения от коренных жителей, изымании «излишек» земель у местного населения, перегибах в работе Переселенческого управления, члены которого часто злоупотребляли своим служебным положением. Отрицательную роль сыграла также приверженность российской власти, туркестанской администрации и даже русских поселенцев «цивилизаторской миссии России», в соответствии с которой ставилась задача приобщения «диких» народов к европейской цивилизации, что служило аргументацией для объяснения необходимости нести «блага» «непросвещенным народам». Сделан вывод о несовершенстве переселенческой политики российской администрации, заключавшейся в отсутствии правовой базы и четкого плана переселения.

Ключевые слова: Российская империя, Туркестанский край, переселенческая политика, аккультурация, Переселенческое управление, ревизии, злоупотребления

Для цитирования: Брежнева С.Н. Отражение идеи аккультурации в переселенческой политике Российской империи в Туркестане на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Том 17. № 3. С. 608–638. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-608-638

Введение

В современный период в связи с расширением массовых миграционных потоков возрастает интерес к аккультурации, ее различным проявлениям. По мере освоения колонизационных пространств крупные империи использовали аккультурацию как механизм взаимодействия с местными жителями. Не являлась исключением и Российская империя, колониальные потоки которой были направлены на территории с населением, коренным образом отличающимся от русских. В полной мере это касается Туркестана, где проживало мусульманское население. Умудренная опытом общения с мусульманским населением на Кавказе и в Поволжье Россия предпочитала действовать осторожно. Поэтому переселенческая политика Российской империи на территории Туркестана предусматривала осторожную неформализованную колонизацию. Актуальность проблемы возрастает в связи с отсутствием специального исследования, которое бы освещало аккультурацию как необходимую составляющую переселенческой политики.

Первые попытки описать быт переселенцев в Туркестанском крае и их взаимоотношения с коренным населением были предприняты в конце XIX – начале XX в. Первыми авторами были имперские чиновники, инспектирующие край. В публикациях обсуждалась проблема заселения региона, положительные и отрицательные моменты, связанные с этим процессом, устройство русских поселков, нанесение ущерба местному населению. Авторы подчеркивали изначальное неравенство коренных жителей и русских переселенцев, которые ощущали поддержку власти, а также уделяли значительное внимание землепользованию, проблемам раздела земельных наделов между туземцами и русскими поселенцами¹.

В начальный период советской историографии давалась крайне негативная оценка переселенческой политике России в Туркестане, который рассматривался исключительно как колония². Общим в этих ра-

¹ Гейер И.И. Крестьянская колонизация в Сырдарьинской области. Ташкент, 1892; Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905; Воишин В. Очерки нового Туркестана. Свет и тени русской колонизации. СПб., 1914; и др.

² Жемчужников Н.Н. Движение на Восток. М., 1927; Галузо П.Г. Туркестан-колония (Очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 г.). М., 1929; Лаврентьев В. Капитализм в Туркестане (Буржуазная колонизация Средней Азии). М., 1930;

ботах является констатация факта об ограблении коренного населения русской властью.

В период 1950–70-х гг., когда возобладала концепция «исторической обусловленности» и «прогрессивных последствий» присоединения Туркестана к России, о переселенческой политике историки писали крайне мало. Можно лишь назвать монографию Л.А. Перепелициной «Влияние русской культуры на культуру народов Средней Азии», написанную с традиционных для того времени позиций и опосредованно затрагивающей тему переселения³.

Публикации обобщающего характера о переселенческой политике в Туркестане появились в позднесоветский период. Работы А.П. Фомченко и А.И. Гинзбург посвящены процессу колонизации и освоения Туркестанского края русскими переселенцами в конце XIX – начале XX в. и устройства переселенческих поселков⁴.

С начала XXI в. интерес российских историков к проблемам русской колонизации осваиваемых территорий получил новый импульс в связи с возрождением «имперской идеи». В этом смысле показательна монография О.И. Брусиной «Славяне в Средней Азии. Этнические и социальные процессы: конец XIX – конец XX века»⁵, в которой прослежена судьба переселенцев в период с конца XIX до конца XX в., исследован процесс приспособления русских переселенцев к климатическим и хозяйственным условиям Туркестана, а также их взаимоотношения с коренным населением края.

В настоящее время наблюдается всплеск интереса историков к имперской проблематике, ее смысловому значению, институциональному оформлению, формам проявления на российском геополитическом пространстве. В связи с этим появились работы, в которых затрагиваются различные аспекты российской переселенческой политики в Туркестанском крае⁶.

Зелькина Е. Очерки по аграрному вопросу в Средней Азии. М., 1930; *Шарова П.* Переселенческая политика царизма в Средней Азии // Исторические записки. 1940. № 8. С. 3–36.

³ *Перепелицина Л.А.* Влияние русской культуры на культуру народов Средней Азии. Ташкент, 1960.

⁴ *Фомченко А.П.* Русские поселения в Туркестанском крае в конце XIX – начале XX в. (социально-экономический аспект). Ташкент, 1983; *Гинзбург А.И.* Русское население в Туркестане. М., 1991.

⁵ *Брусиная О.И.* Славяне в Средней Азии: Этнические и социальные процессы: конец XIX – конец XX века. М., 2001.

⁶ *Лурье С.* Особенности русской колонизации в Средней Азии // Центральная Азия. 1997. № 2 (8). С. 20–24; *Котюкова Т.В.* Проблемы российской переселенческой политики в Туркестане в начале XX в. // Военно-исторический журнал. 2010. № 2. С. 58–64; № 3. С. 54–57; *Цыряпкина Ю.Н.* Особенности русского переселенческого общества Сырдарьинской области в конце XIX – конце XX вв. // Диаспоры. 2012. № 1. С. 6–29; *Ее же.* Русские переселенцы в Туркестане в конце XIX – начале XX в.: основные социокультур-

В центрально-азиатских республиках после распада СССР наблюдались тенденции переосмысления прошлого с позиций неприятия мероприятий Российской империи. Переселенческая политика рассматривалась, как правило, с позиций «колониальной сущности царизма», демонстрировался губительный характер политики «русификации»⁷. Сейчас центральноазиатские историки, также как и российские, стремятся к более взвешенной и объективной характеристике переселенческой политики Российской империи, свидетельством чему являются появившиеся недавно работы⁸.

В исторической науке «дальнего зарубежья» накоплен богатый опыт системного анализа процессов, связанных с освоением Россией территории Туркестанского края.

Современные западные историки уделяют основное внимание идеологическим, правовым и политическим компонентам русского правления в Туркестане. Характеризуя в целом их взгляды, следует отметить утверждение о том, что правление Российской империи носило более гуманный характер, чем это было при Советской власти⁹; указание на наличие жесткого контроля российского правления в Туркестане¹⁰; заявление о том, что колониальный характер русского управления национальными окраинами нашел наибольшее воплощение именно в Туркестане¹¹.

ные характеристики // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 183–187; Брежнева С.Н. Русские переселенцы в Туркестане: проблемы взаимоотношения с местным населением // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2016. Т. 37. Вып. № 1 (222). С. 112–118; Арсланов Р.А., Климашин А.Л. Периодические издания России рубежа XIX–XX вв. о социокультурной адаптации русских переселенцев в Средней Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Т. 16. № 3. С. 347–364.

⁷ Абдурахимова Н., Рустамова Г. Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX – первой четверти XX вв. Ташкент, 1999; Исхаков Ф.Б. Национальная политика царизма в Туркестане (1867–1917). Ташкент, 1997.

⁸ Бартенева И.В. Переселенческая политика Российской империи в Туркестане во второй половине XIX века // Вестник Кыргызско-Российского Славянского Университета. 2008. Т. 8. № 7. С. 64–69; Махмудова Н.Б. Сенаторская ревизия графа К.К. Палена в Туркестане: причины, ход, последствия // Метаморфозы истории. 2016. № 7. С. 134–150; Он же. Состояние пенитенциарной системы Туркестанского края в начале XX в. (по материалам отчета сенаторской ревизии графа К.К. Палена // Метаморфозы истории. 2016. № 8. С. 201–210.

⁹ Mokrisson A. S. Russian Rule in Samarkand 1868–1910. A Comparison with British India. N.Y., 2011.

¹⁰ Muriel J. Diamond in the rough: The state, entrepreneurs and Turkestan's hidden resources in late imperial Russia // Extending the borders of Russian history. Budapest, 2003. P. 183–196.

¹¹ Виллард Сандерленд. Министерство Азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство // Imperium inter papas:

Проблемы переселенческой политики нашли отражение в работе израильского историка А. Кагановича. Он отметил опасения туркестанской администрации, что несанкционированное переселение в край русских поселенцев при отсутствии свободных орошаемых земель может привести к волнениям и беспорядкам¹².

Проблема аккультурации в настоящее время является довольно востребованной в научном сообществе, так как она представляет собой отражение междисциплинарного подхода в исследованиях. Несмотря на существование разнообразных определений этого термина, число работ, освещающих данную проблему, возрастает. Успешно в этом направлении работают российские историки С. В. Любичанковский, С.В. Джунджузов, Е.В. Годовова, А.А. Гафаров¹³. Наиболее близкой к теме настоящей статьи является работа Д.В. Васильева «Общественное управление коренного населения Туркестанской области в контексте аккультурации (1864–1866)»¹⁴. В работе автор приходит к выводу, что административная аккультурация в сфере первичного управления была минимальной, что проявилось в сохранении ряда должностей, привычных для местных жителей.

Таким образом, краткий историографический обзор позволяет сделать вывод о том, что идея аккультурации как необходимая составляющая переселенческой политики России в Туркестане в исторической литературе еще не рассматривалась. Настоящая статья является первой попыткой освещения этой проблемы.

Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917). Сб. ст. / Под ред. Мартина Ауста, Рикарда Вульпиус, Алексея Миллера. М., 2010. С. 104–149.

¹² Каганович А. Некоторые проблемы царской колонизации Туркестана. URL: <http://kungrad.com/history/st/colon/> (Дата обращения: 26.04.2018).

¹³ Любичанковский С.В. Политика аккультурации в условиях разрушения империи: казус волостного земства // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2017. № 50. С. 31–37; Джунджузов С.В. Переход в ислам оренбургских казаков-нагайбаков как кризисное явление в имперской политике религиозной аккультурации // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал (Online). 2018. № 1 (25). С. 81–89; Годовова Е.В. Страницы повседневной жизни народов Оренбургского края в начале XIX века в контексте имперской политики аккультурации // Девятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен. Сборник статей международной научно-практической конференции. Оренбург, 2018. С. 322–324; Гафаров А.А., Гафаров А.Н. Колониальная аккультурация традиционного уклада мусульман Российской империи // Вестник Казанского технологического университета. 2012. Т. 15. № 17. С. 296–302.

¹⁴ Васильев Д.В. Общественное управление коренного населения Туркестанской области в контексте аккультурации (1854–1866) // Девятые Большаковские чтения. Оренбургский край, как историко-культурный феномен. Сборник статей международной научно-практической конференции. Оренбург, 2018. С. 116–118.

Цель исследования – выявить, нашла ли идея аккультурации свое воплощение в переселенческой политике Российской империи, насколько возможно было ее проведение в условиях Туркестана и в чем заключались плюсы и минусы российской политики.

Начало переселенческого движения в Туркестанский край

Российская империя рассматривала Туркестанский край как свою национальную окраину, следовательно, одним из направлений переселенческой политики должна была стать аккультурация, возможно, в дальнейшем переросшая в ассимиляцию. В этой связи речь шла о распространении русского языка и через него – элементов образования и культуры среди коренного населения в целях усиления контроля царских властей над Туркестанским краем.

Этому должна была способствовать переселенческая политика России.

Конечно, в Российской империи прекрасно понимали невозможность полного слияния народов Туркестана с русскими переселенцами в силу существования разноконфессиональных традиций. К тому же Туркестан в большинстве территорий был завоеван Россией силой оружия. Поэтому русская администрация здесь должна была действовать осторожно, чтобы не вызвать нежелательного социального взрыва.

Определенного плана заселения Туркестана русскими у имперской администрации не было. Она действовала скорее рефлекторно. Тем не менее, процесс колонизации Туркестана начался почти одновременно с присоединением. Решение вопросов переселения изначально было передано в ведение Военного министерства, т.к. Туркестанский край находился в его подчинении.

В 1867 г. был введен в действие проект «Временного положения об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областями». Вскоре после этого русские крестьяне-колонисты самовольно начали переселяться в одну из двух областей в составе Туркестанского края – Семиреченскую. Распространенным явлением стала аренда земли переселенцами у местных казаков, проживавших рядом с укреплением Верное. Это заставило в 1869 г. военного губернатора области Г.А. Колпаковского разработать «Временные правила о крестьянских поселениях в Семиречье». Губернатор считал, что они будут способствовать переходу кочевников к оседлости и сближению их с русскими переселенцами¹⁵.

Учесть интересы коренного населения и русских переселенцев на территории своего генерал-губернаторства стремился и первый генерал-

¹⁵ *Фомченко А.П.* Русские поселения в Туркестанском крае в конце XIX – начале XX в. (социально-экономический аспект). Ташкент, 1983. С. 36.

губернатор Туркестанского края К.П. фон Кауфман. С этой целью в 1873 г. им был подписан генеральный план крестьянской колонизации, в соответствии с которым европейцам, в том числе русским переселенцам, запрещалось покупать земли у местного населения. В свою очередь, поселения последних предполагалось располагать вдоль рек и почтовых трактов, начиная от Оренбурга и до Ташкента; на каждого работника при этом полагалось не более десяти десятин земли и единовременное пособие не более 100 рублей каждому¹⁶.

Заселение Семиречья переселенцами больше устраивало русскую администрацию, т.к. в Сырдарьинской области, где господствовало сплошное поливное земледелие, было мало свободных земель из-за того, что основную массу населения здесь составляли оседлые мусульмане-земледельцы. А в Семиреченской области проживали в основном кочевники, поэтому здесь достаточно было плодородных земель.

Первые оседлые поселения русских в Семиречье были основаны казаками Сибирского войска. В период с 1847 по 1867 гг. ими было создано 14 казачьих станиц и выселков с населением около 15000 человек¹⁷. Начиная с 1872 г., в этом регионе процессы колонизации происходили достаточно быстрыми темпами, опережавшими плановые показатели. В результате к 1882 г. в Семиреченской области насчитывалось уже 29 селений, в которых проживали 25 тыс. человек¹⁸.

В 1874 г. в Сырдарьинской области, неподалеку от города Аулиеата было создано первое русское поселение – Михайловское. О том, как быстро здесь увеличивалось число русских поселков, можно судить по Всеподданнейшему отчету о состоянии Туркестанского генерал-губернаторства за 1889–1895 гг. барона А.Б. Вревского (туркестанский генерал-губернатор с 1889 по 1898 г.). Согласно сведениям, представленным в отчете, с 1874 по 1880 гг. в области было создано «три поселения – Михайловское, Чалдоварское и Дмитриевское, в которых числилось 197 душ крестьян обоего пола. К 1886 г. в Аулиеатинском, Чимкентском и Ташкентском уездах было уже 8 поселков с населением в 1 253 души обоего пола»¹⁹.

На основе «Положения об управлении Туркестанским краем» 1886 г. русская администрация изъяла большое количество земель, принадлежав-

¹⁶ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 391. Оп. 3. Д. 1803. Л. 17.

¹⁷ *Бартенева И.В.* Переселенческая политика Российской империи в Туркестане во второй половине XIX века // Вестник КРСУ. 2008. Т. 8. № 7. С. 65.

¹⁸ *Хидоятов Г.А.* Моя родная история. Ташкент, 1990. С. 287.

¹⁹ РГИА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 528. Л. 5–5 об.

ших кочевому населению, и создала земельный фонд для раздачи русским поселенцам.

Кроме существовавших уже в Сырдарьинской области, было образовано еще четыре поселения в Ходженском уезде Самаркандской области (Сретенское, Романовское, Надеждинское и Запорожское) и два поселения в Ошском уезде Ферганской области (Покровское и другое на р. Куршаб, лишь подготовленное для крестьян и не заселявшееся переселенцами). Переселенцев, устроившихся в этих селениях «было 467 семей численностью 2185 душ обоего пола»²⁰. Начиная с 1893 г. появилась правовая основа для переселения в степные районы крестьян, которые получали денежные пособия²¹, медицинские услуги, продовольственную²² и даже ветеринарную помощь²³.

О возрастании числа переселенцев в Сырдарьинской области свидетельствует следующая таблица, приведенная в том же отчете барона А.Б. Вревского:

Таблица 1. Численность русских переселенцев в Сырдарьинской области с 1886 г. по 1895 г.

Table 1. The number of Russian immigrants in the Syrdarya region from 1886 to 1895

Численность к 1 января	Крестьянские селения	В них душ обоего пола
1886 г.	8	1253
1887 г.	10	3427
1888 г.	13	4996
1889 г.	16	6058
1890 г.	18	6645
1891 г.	20	7702
1892 г.	29	8879
1893 г.	42	13695
1894 г.	43	14781
1895 г.	45	15330

Источник: РГИА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 528. Л. 5 об.

²⁰ РГИА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 528. Л. 7 об.

²¹ Там же. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 398. Л. 2.

²² Там же. Ф. 391. Оп. 5. Д. 145. Л. 1–4 об.

²³ Там же. Д. 191. Л. 7–8.

Как видно из таблицы, резкое увеличение числа переселенцев наблюдается в 1891 и 1892 гг., что связано с неурожаем и голодом в центральных губерниях Российской империи. Масса крестьян двинулась искать новые места, и волна переселенцев хлынула в Туркестан. Поскольку возвращать обратно самовольных переселенцев было невозможно, то правительство стало узаконивать возникшие без разрешения поселения, причисляя жителей к фактическим местам их водворения. Местной администрации пришлось принимать усиленные меры помощи переселенцам. «Самовольцы» стали пользоваться теми же льготами, которые были предусмотрены для тех, кого переселили в край с разрешения властей. Это привело к еще большему числу переселенцев. В упомянутые годы было построено 22 поселка и образованы переселенческие комитеты для оказания помощи нуждающимся. За 1892 г. через военное министерство переселенцам было выдано пособий на сумму 41000 руб.²⁴

В начале 1896 г. туркестанский генерал-губернатор барон А.Б. Вревский инициировал запрет на переселение русских в Туркестан, мотивировав это тем, что администрация истощила на отвод под новые поселки весь запас тех земель, которыми располагала. Не дожидаясь правительственного решения, он издал циркуляр о приостановке в край переселенческих партий по всем линиям переселенческого движения – через Оренбург, западносибирские города, через Кавказ, а также через Закаспийскую железную дорогу, т.е. практически по всем направлениям.

После обсуждения вопроса, поставленного А.Б. Вревским во Всеподданнейшем докладе «О значении широкого водворения русских переселенцев и крестьян для обрусения края», за временный запрет переселения в край русских крестьян выступили министр финансов С.Ю. Витте, военный министр П.С. Ванновский, министр юстиции Н.В. Муравьев и министр внутренних дел И.Л. Горемыкин. П.С. Ванновский дал ряд указаний начальникам Тамбовской, Самарской и Пензенской губерний, предоставивших наибольшее число переселенцев, о принятии мер к прекращению самовольного переселения в Туркестанский край.

С.Ю. Витте в своем обращении к Управляющему делами комитета министров писал, что развитие русской колонизации в Туркестане возможно лишь при условии отвода значительных участков свободных казенных земель для образования из русских переселенцев отдаленных от туземных поселений самостоятельных не только в административном, но и в хозяйственном отношении. Он заявлял: «Такая постановка русской колонизации вызывается тем соображением, что водворение русских поселенцев малочисленными группами среди туземных общин не только не достигнет общегосударственной цели,

²⁴ РГИА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 528. Л. 6.

но и приведет к противоположным результатам»²⁵. Витте считал ассимиляцию преждевременной, предлагая сосредоточиться на создании прочного ядра русского населения, которое явилось бы опорой власти.

Между тем во Всеподданнейшем отчете А.Б. Вревского приводятся факты, свидетельствовавшие о начавшейся аккультурации в местах расселения русских переселенцев. Уже через два года после создания первых поселений чиновник, инспектировавший эти места, докладывал генерал-губернатору о благоприятном состоянии зарождающегося хозяйства: «Достойны вполне особенного внимания выдающиеся черты культурные, в экономико-хозяйственном смысле, влияния, какое новоселы оказывают на первых порах на окрестных киргизов и даже туземцев оседлых»²⁶. Русские поселенцы использовали более совершенные орудия труда: обрабатывали землю плугами взамен первобытного «омача» (старинное деревянное пахотное орудие в Средней Азии), пользовались косами для уборки сена, возделывали лучшие сорта полевых растений, таких как пшеница-кубанка, гималайский ячмень, овес, лен, конопля, засаживали огороды овощами, разводили фруктовые сады и крупный рогатый скот. Таким образом, они представляли наглядный пример для сравнения выгоды применяемых ими новых для края приемов земледельческого, скотоводческого и промыслового хозяйства. Это оказало влияние на местное население, которое стало перенимать и новые для него формы ведения хозяйства, и пользоваться более совершенными орудиями труда. Причем касалось это не только оседлого населения – сартов, но и кочевников-казахов. Таким образом, как заключает Вревский, «отрадные плоды такого влияния русской колонизации уже замечаются явственно»²⁷.

В отчете зафиксированы случаи обращения окрестных киргизов (казахов) к русским крестьянам для очистки хлеба путем вяления для заимствования упряжек с плугом и волами. Аулиеатинские дунгане, занимавшиеся извозом, все использовали русские повозки вместо неуклюжих арб. Среди казахов-кожевников, проживавших вблизи русских селений, распространяется улучшенный способ дубления кож, применяемый русскими. А у оседлых сартов распространяются прививки хороших сортов плодовых деревьев.

В архивных документах достаточно красноречивых свидетельств того, как быстро русские переселенцы адаптировались к культуре коренных жителей, местным условиям ведения полевого хозяйства²⁸. Во многом

²⁵ РГИА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 528. Л. 13 об.

²⁶ Там же. Л. 8 об.

²⁷ РГИА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 528. Л. 8 об. – 9.

²⁸ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 165. Оп. 1. Д. 293. Л. 5.

их освоению помогали местные жители. Русским переселенцам предстояло приспособиться не только к необычному жаркому климату, но и к новым методам ведения сельского хозяйства, особенно к совершенно незнакомому им поливному земледелию. Переселенцам, которые имели слабое представление об ирригационных сооружениях, пришлось учиться у местных жителей. Однако вскоре они настолько освоились, что сами стали строить такие сооружения. Это тоже отмечает Вревский в своем отчете: «...В таком новом для русских крестьян деле, как орошение и правильное распределение воды, они опередили своих учителей настолько, что в некоторых селениях, пользующихся водой совместно с туземцами “мирабами”, т.е. развозчиками воды, по общему согласию участников в пользовании последними, избраны и поставлены русские новоселы»²⁹. Об этом же писал позже и А.А. Кауфман в своей работе «Переселение и колонизация»³⁰.

Таким образом, уже в первые годы русского переселения между поселенцами и местными жителями устанавливались выгодные обеим сторонам хозяйственные и торговые отношения. Русские крестьяне обучали местных кочевников-скотоводов сенокошению и заготовке сена на зиму, что позволяло сохранить поголовье скота во время зимней бескормицы и способствовало сокращению длины перекочевков. В свою очередь, коренные жители помогали русским переселенцам адаптироваться к непривычным для них климатическим условиям и особенностям местного земледелия.

Однако общая картина была не такой уж радужной. В таких густонаселенных областях, как, например, Сырдарьинская, прибывшие переселенцы еще более усугубили положение. Это вызывало недовольство местного населения и позволяло религиозным фанатикам распространять призывы к газавату. К тому же часто русская администрация рассматривала поселки переселенцев в качестве военных гарнизонов, буквально понимая слова о создании «нашего оплота». Часто среди крестьян селились и отставные солдаты. В 1892 г. военный губернатор Сырдарьинской области Н.И. Гродеков издал циркуляр о вооружении переселенцев, однако в начале XX в. их всех разоружили³¹.

Правила не предусматривали расселения местных жителей в русских поселках, равно, как и наоборот. Власть таким образом стремилась оградить переселенцев от контактов с коренным населением, чтобы не было за-

²⁹ РГИА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 528. Л. 9.

³⁰ Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 335.

³¹ Галузо П.Г. Вооружение русских переселенцев в Средней Азии (исторический очерк). Ташкент, 1926. С. 13.

висимости русских крестьян от местных жителей, которые не всегда были настроены благожелательно. Тем не менее, эти правила часто нарушались.

С.Ю. Витте, поддержавший генерал-губернатора А.Б. Вревского в вопросе закрытия Туркестана для переселенцев, был далек от идиллического восприятия политики аккультурации. В своем обращении к Управляющему делами Комитета министров он писал о том, что существующая в Туркестане система водопользования вырабатывалась веками, она имеет не только экономический, но и религиозный характер. Русские мало знают о ней. В связи с этим высказывалось опасение, что при отсутствии руководящего начала для регулирования отношений между местным населением и русскими переселенцами их хозяйственные связи могут привести к негативным последствиям. Поэтому дальнейшая колонизация требовала достаточного количества свободных земель для русских переселенцев, а также устройства на них новых оросительных систем. Все ирригационное дело Витте предлагал сосредоточить в руках специального учреждения – Управления государственными имуществами в крае³².

Деятельность Переселенческого управления в Туркестанском крае

В 1895 г. новый российский император Николай II высказался за поощрение колонизации в Сибирь. Это послужило толчком к решению правительства о продолжении переселенческой политики в Туркестанский край вопреки доводам руководства генерал-губернаторства.

В конце 1896 г. в составе Министерства внутренних дел было образовано Переселенческое управление. Его организации предшествовало длительное обсуждение в правительстве доклада министра внутренних дел Д.А. Толстого, в котором был предложен проект образования Временного Переселенческого управления и представлен его штат, который состоял из помощника, двух делопроизводителей, трех помощников делопроизводителей и секретаря³³. Судя по количеству пометок на полях проекта, сделанных представителями каждого министерства, можно судить о том, какое большое значение придавалось данному ведомству и как серьезно обсуждалась его организация. В начале декабря 1896 г. проект был представлен «Государю Императору и 2 декабря он изволил его утвердить»³⁴. Предложенный штат был оставлен без изменений.

³² РГИА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 528. Л. 14–14 об.

³³ РГИА. Ф. 1149. Оп. 12. Д. 130. Л. 50.

³⁴ Там же. Л. 99.

Переселенческое управление, которое 6 марта 1905 г. было передано Главному управлению землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) для заведования переселенческим делом, должно было стать «государственной помощью», решавшей задачи организации государственных миграций. Управление выдавало разрешения на переселение, принимало меры к упорядочению переселенческого движения, занималось расселением переселенцев на местах, заведовало всеми кредитами по Министерству внутренних дел на переселенческое дело, разрабатывало новые меры законодательного и административного характера, возложенные на него министром внутренних дел.

Поскольку Переселенческое управление решало политические и экономические задачи, оно рассматривалось как учреждение общегосударственного значения. Начальником его был назначен В.И. Гиппиус (1896–1902).

На деле Переселенческому управлению далеко не всегда удавалось добиться четкой организации переселения. Крестьяне предпочитали переселяться самовольно, в том числе и в Туркестан, хотя политика, направленная на ограничение потока переселенцев, сохранялась.

Последствия мирового экономического кризиса 1900–1903 гг. сказались и на состоянии русской деревни, откуда крестьяне переселялись на земли Туркестанского края. В результате уже в 1902 г. здесь оказалось наибольшее количество переселенцев, значительная часть из которых (2228 семей или 11687 человек) поселилась в Семиреченской области³⁵.

Переселенцев влекло в Туркестан не только наличие свободных земель, но также и обещанное правительством освобождение от воинской повинности. Эти льготы порождали движение в Туркестан представителей маргинальных бродяжнических элементов. Так, например, во время ревизии К.К. Палена ему сообщили о том, что по распоряжению Туркестанского генерал-губернатора Голодная степь заселялась в основном выходцами из Центральной России, представлявшими бродяжий, а не земледельческий элемент. Им было выделено по 10 десятин земли, «сдаваемых ими по приходу в явный ущерб для государственных интересов»³⁶.

10 июня 1903 г. были разработаны правила о добровольном переселении русских крестьян³⁷. 6 июня 1904 г. был принят новый переселенческий закон «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан-землевладельцев», согласно которому свободное переселение крестьян в азиатскую Россию разрешалось. Это означало переход к новому курсу на поощрение переселенческой политики, на чем настаивал и лично российский

³⁵ Глущенко Е.А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М., 2010. С. 369.

³⁶ РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 294. Л. 25.

³⁷ РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1803. Л. 22.

император, потребовавший от военного губернатора Семиреченской области М.Е. Ионова «настойчиво двигать колонизацию этого края»³⁸. Однако при этом Туркестанский край формально оставался закрытым для переселения, хотя люди продолжали прибывать и селиться на землях мусульман. И местная администрация не могла этому противостоять. «Русские селения стеснили земли кочевников, – писал последний генерал-губернатор Туркестанского края А.Н. Куропаткин, будучи еще начальником Закаспийской области в 1894 г. – и это привело в Туркестане к новому поземельному затруднению»³⁹. В результате было приостановлено переселение в Туркестанский край. Те же, кто успели переселиться на свободные земли, в силу сложившихся обстоятельств перестали заниматься сельским хозяйством и переключились на строительство каналов и железных дорог, а земли сдавались при этом в аренду местному населению.

Увеличение числа переселенцев в Туркестанский край требовало поиска все новых участков земли. В 1903 г. в Туркестанский край был командирован коллежский советник А.А. Кауфман для выяснения вопроса об отводе земель под русские поселения. Ему вменялось в обязанности «изыскать такие приемы производства работ, которые позволили бы... образовать переселенческие участки при полном соблюдении законных интересов кочевого иногородческого населения края»⁴⁰. Результатом этой командировки явился отчет, опубликованный под названием «К вопросу о русской колонизации Туркестанского края». Здесь, в частности, содержатся сведения, свидетельствующие о добрососедских отношениях русских переселенцев и кочевников-киргизов. «Я нигде не видел, – пишет автор, – никакого следа, чтобы подобная близость особенно неблагоприятно отражалась на положении киргиз и вела бы к образованию каких-то граничных осложнений и недоразумений»⁴¹.

В своем фундаментальном исследовании «Переселение и колонизация», вышедшем в свет в 1905 г., А.А. Кауфман попытался дать оценку всей переселенческой политике Российской империи, касающейся разных районов. В частности, он отметил относительное благополучие русских переселенцев в Туркестане по сравнению с другими районами, которые ему приходилось инспектировать. Например, это касалось Сырдарьинской области. Однако если рассматривать положение переселенцев не с точки зре-

³⁸ Шарова П. Переселенческая политика царизма в Средней Азии // Исторические записки. 1940. № 8. С. 4–5.

³⁹ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 374. Л. 14.

⁴⁰ РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 787. Л. 1–1 об.

⁴¹ К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. Отчет Члена Ученого Комитета М-ва З. и Г.И. А. А. Кауфмана по командировке летом 1903 г. СПб., 1903. С. 33.

ния благополучия, а с точки зрения надежности их дальнейшего существования здесь, то тут Кауфман выделяет ряд нюансов. Признав, что русские крестьяне достаточно быстро усвоили особенности местного земледелия, он обратил внимание на расточительное потребление воды русскими по сравнению с туземцами, а также нежелание переселенцев участвовать в уборке и очистке арыков для подачи воды. Как правило, русские старались предоставить туземцам всю черную работу.

Ряд пашен, ранее принадлежавших киргизам-кочевникам, из-за трудности обработки был просто заброшен. Русские поселенцы, как правило, занимались хлебопашеством, хлопководству уделяли внимание лишь немногие, считая хлопок культурой трудоемкой и предоставляя это дело местным жителям. Русские крестьяне предпочитали увеличивать свою доходность хлебом путем увеличения земельных площадей. Они не могли довольствоваться даже, по местным понятиям, огромными наделами. А.А. Кауфман признавал, что «крестьянам отведено в среднем: в Ташкентском уезде по 26, в Чимкентском по 35, в Аулиеатинском по 34 десятины на наделный двор; а оседлые туземцы в Ферганской области имеют в среднем на двор по 5,1 десятины»⁴².

Истощая земли, русские крестьяне требовали все новых прирезок и прибегали к земельной аренде у киргизов. Все это Кауфман считал тревожным признаком, т.к. арендуемые земли были не беспредельны, а с их истощением начиналось массовое бегство крестьян на новые земли. Интересен вывод автора о том, что «только при большой доле ослепления можно мечтать о культурном воздействии русского переселенца на хозяйство туркестанского туземца»⁴³.

В 1905 г. был принят закон об образовании переселенческих участков на «излишних» для кочевников землях. Многочисленные злоупотребления и произвол превратили этот закон в едва прикрытую конфискацию земли. В 1907 г. были установлены нормы земельного надела для кочевого и полукочевого населения с целью определения «излишков». Местная администрация старалась договориться с кочевниками, чтобы они уступили земли либо по доброй воле, либо за вознаграждение. Однако далеко не всегда люди шли навстречу. В 1906–1910 гг. в Туркестане было произведено изъятие земель у кочевников, на которых затем было образовано пять переселенческих участков.

После конфискации земли коренное население было вынуждено выбирать оседлый образ жизни. Для них важно было закрепить родовые

⁴² Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 337.

⁴³ Там же. С. 335.

земли. При этом значительная часть местного населения совмещала земледелие с выпасом скота. От представителей Переселенческого управления скрыть это было очень сложно, и земли под выпас скота продолжали изымать, считая их излишками.

За годы переселения русских крестьян славянское население в Туркестане увеличилось, и если в 1897 г. оно составляло 200 тысяч человек, то к 1917 г. – около 750 тысяч, что составляло 10% населения края⁴⁴. В таких условиях аккультурация казалась неизбежной. В рамках этого происходило развитие экономических и торговых связей между пришлым населением и коренными жителями края, что было выгодно обеим сторонам⁴⁵. Хотя по-прежнему переселенцы не проявляли особого желания адаптироваться, изучая местный язык и традиции, что отрицательно сказывалось на их взаимоотношениях с окружающими и приводило к столкновению интересов, а в ряде мест – к конфликтам. Те переселенцы и чиновники, которые пытались адаптироваться и интегрироваться в новые условия проживания, встречали доброжелательное отношение со стороны местных жителей. В качестве примера можно привести жизнь и деятельность выдающегося востоковеда-просветителя В.П. Наливкина, который за шесть лет проживания в кишлаках Туркестана выучил местные языки, изучил быт туземцев, собрал материалы для многих своих работ⁴⁶. Кстати, к созданию русских поселков в Туркестане Наливкин относился отрицательно, так как считал, что здесь и без того испытывалась крайняя нужда в орошаемых землях.

В декабре 1910 г. правительство предоставило Переселенческому управлению право отчуждать земли кочевников под переселенческие участки. Пользуясь этим правом, переселенческие чиновники отнимали у местного населения не только пастбищные земли, но и места зимовок с обрабатываемыми землями. Жалобы туземцев и местных администраторов на Переселенческое управление ни к чему не приводили.

В среде деятелей Переселенческого управления в Туркестане часто встречались случаи лихоимства и махинаций с землей. Так, например, в июне 1908 г., во время ревизии графа К.К. Палена, были выявлены факты коррупции со стороны некоторых должностных лиц (инженера-технолога А.А. Рудинского, кандидата естественных наук В.А. Петрова, инженера путей сообщения С.Ф. Островского и дворянина Л.А. Быковского)⁴⁷. Все они

⁴⁴ Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 223–224.

⁴⁵ *Перепелицына Л.А.* Влияние русской культуры на культуру народов Средней Азии. Ташкент, 1960.

⁴⁶ *Наливкин И.Б.* Имя твое – Учитель. Омск, 2001. С. 45.

⁴⁷ РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 294. Л. 30 об.

дали признательные показания, после чего Ташкентская судебная палата сообщила графу К.К. Палену о заведении уголовного дела в отношении этих лиц, обвиненных в должностных преступлениях⁴⁸.

Ревизии Туркестанского края

В начале XX в. стала ощущаться необходимость упорядочивания управления новыми единицами, созданными в Туркестанском крае, в том числе и связанными с переселенческой политикой. Поэтому одна за другой организовываются комиссии и ревизии Туркестанского края, зачастую представлявшие взаимоисключающие выводы.

В правительстве серьезно обсуждался вопрос о возможной передаче Туркестанского края из подчинения Военному министерству в Министерство внутренних дел. 17 апреля 1906 г. Совет Министров даже принял такое решение. Однако оно было оспорено Кабинетом Министров, министерствами юстиции и внутренних дел, в которых считали такую передачу преждевременной в силу нестабильной политической ситуации в стране⁴⁹. Совет Министров вынужден был отменить свое распоряжение.

Таким образом, возникла необходимость исследования положения в Туркестанском крае с целью получения более точных сведений. 8 марта 1908 г. Николай II принял решение о проведении новой сенаторской ревизии края.

Граф К.К. Пален, назначенный указом императора от 18 июня 1908 г. ревизором, был одним из компетентных сенаторов. В задачу комиссии, состоявшей из двадцати ревизоров, входила инспекция всех правительственных и общественных учреждений. Ее целью являлось выяснение возможностей применения к краю общеимперских законов. Комиссия сенатора К.К. Палена должна была тщательно изучить положение Туркестана, подготовить материалы для составления нового положения по его управлению и обсудить возможные условия и порядок передачи края из ведения Военного министерства в Министерство внутренних дел. Сам сенатор был глубоко убежден в том, что настало время военному управлению уступить место гражданскому элементу.

Комиссия приступила к ревизии 18 июля 1908 г. Более года, несмотря на противодействие туркестанской администрации, члены комиссии

⁴⁸ РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 294. Л. 65.

⁴⁹ *Махмудова Н.Б.* Сенаторская ревизия графа К.К. Палена в Туркестане: причины, ход, последствия. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/senatorskaya-reviziya-grafa-k-k-palena-v-turkeстане-prichiny-hod-posledstviya> (Дата обращения: 03.05.2018).

тщательно исследовали все аспекты управления и экономических отношений в регионе. В ходе ревизии сенатор сам побывал во всех пяти областях Туркестанского края и посетил Бухарский эмират и Хивинское ханство. Проверяющими были выявлены серьезные злоупотребления чиновниками своим служебным положением во всех областях и практически во всех ведомствах.

Переселенческое дело К.К. Пален считал сложным явлением, по поводу которого в Российской империи существовали две точки зрения: первая имела «в виду экономические и политические интересы метрополии», «центр тяжести второй» лежал «в вопросах преуспевания и укрепления окраины, куда направляется переселенческая струя»⁵⁰. Будучи представителем «цивилизаторской миссии» России, он, конечно же, отдавал предпочтение интересам метрополии, однако выступал за более медленные темпы колонизации и предлагал отказаться от наводнения Туркестана переселенцами из малоземельных территорий. Взамен он рекомендовал привлекать в край сильных представителей – ремесленников, горнопромышленников, горнорабочих. «Но главное, – как записано во “Всепоподданнейшей записке К.К. Палена о положении переселенческого дела в Туркестанском крае”», – с государственной точки зрения – создание из края крепкого оплота империи с населением крепким, как в военном, так и в политическом отношении»⁵¹.

Пален признавал русскую колонизацию удачной, приводя в качестве примера один из самых характерных типов – самовольное переселение казачества, с чего собственно и начался ход переселенческого дела. Имело место и насильственное переселение. А вот кого действительно следовало поддержать, по мнению Палена, так это людей предприимчивых⁵². Поэтому Пален выступил против закрытия Туркестана для переселенцев.

Во «Всепоподданнейшей записке» К.К. Пален писал о несогласованности туркестанских местных властей с центральными, назвав это «прискорбным разладом». Сенатор также критиковал действия Переселенческого управления, которое, по мнению Палена, было «...озабочено только лишь одним – по возможности скоро перебросить из коренных губерний империи в Туркестан небольшое количество без всякого разбора и без соображений, усидят ли они на этих землях, подготовлены ли они к условиям азиатского хозяйства, нарушают ли они права туземного населения»⁵³.

⁵⁰ РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 295. Л. 14.

⁵¹ Там же. Л. 16 об. – 17.

⁵² Там же. Л. 18 об.

⁵³ Там же. Л. 15–15 об.

Он сетовал, что чиновники Переселенческого управления применяют к условиям Туркестана без разбору правила, изданные для сибирских инородцев, не учитывая местных условий.

Сенатор Пален отметил также, что за все время его пребывания в Туркестане к нему обращались переселенцы с жалобами на переселенческих чиновников. Кроме того, были установлены «вопиющие факты» массовых выселений коренных жителей с их насиженных мест, отобрания у них ценных оросительных сооружений, посаженных ими садов и полей, засеянных ценными культурами и окруженных глинобитными стенами. И все это производилось для того, чтобы разделить эти угодья по продовольственной норме между людьми, случайно попавшими в списки переселенцев.

Поспешная организация Переселенческого управления в Туркестане, по мнению Палена, привела к неудачному выбору почти всех главных руководителей на местах. Против многих из них были возбуждены уголовные дела (один из примеров описан выше). Однако среди переселенческих чиновников встречалось немало честных, образованных и энергичных людей, которых следовало поддерживать.

Причина неудачной переселенческой политики, по мнению сенатора, заключалась в «применении переселенческой организацией приемов и методов, заимствованных из социалистической теории социализации земли»⁵⁴, что пояснялось следующим образом. Дело в том, что после покорения Туркестана государство получило полное право на землю, что привело к насильственному выравниванию всего сельского населения русского и коренного по произвольно установленным земельным делам.

Ревизия Палена допускала отчуждение некоторой части земель в переселенческий фонд, остальные же земли должны были быть переданы местному населению на правах собственности. При этом необходимым считалось увеличение налогов местного населения.

Критикой Переселенческого управления Пален не ограничился, он предложил меры по улучшению ситуации. Самой главной задачей привлечения переселенцев в край Пален считал заботу о его безопасности как пограничного оплота России.

В выводах ревизии К.К. Палена присутствовала мысль о том, что настала пора передать власть от военных гражданским учреждениям. Для русских переселенцев, равно как и для оседлого местного населения, предлагалось создавать земские учреждения, но в то же время рекомендовалось воздерживаться от выборного начала для кочевников в силу их неготовности к такому типу взаимодействия с властью. Ревизия сенатора

⁵⁴ РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 295. Л. 21.

К.К. Палена сделала последнюю попытку перед революцией предоставить российскому правительству материалы, которые должны были дать ответ на вопрос: как модернизировать переселенческую политику в Туркестанском крае. Главную задачу государственной власти комиссия Палена видела в окончательном приобщении Туркестана к общеимперским порядкам. Идея аккультурации являлась мощным стимулом для дальнейшего объединения усилий по сращиванию колонизируемой территории с метрополией.

Еще до того, как были подведены основные итоги ревизии, в марте 1909 г. был отправлен в отставку генерал-губернатор П.И. Мищенко, не пробыв на этом посту и года. Вместо него был назначен генерал А.В. Самсонов, который сразу высказался за увеличение колонизационного фонда для русского крестьянства путем изъятия излишков земель у кочевников. Таким образом, выводы ревизии Палена им учтены не были. Кроме того, Самсонов считал необходимым расширение прав генерал-губернатора и распространение среди коренного населения русского языка, чтобы превратить Туркестан в «действительно русскую страну»⁵⁵.

В 1910 г. в Туркестанский край был командирован чиновник особых поручений при Переселенческом управлении Н.А. Гаврилов. Результатом его инспекции стал подробнейший «Отчет по служебной поездке осенью 1910 года чиновника особых поручений при Переселенческом управлении Н.А. Гаврилова», представленный на 463 страницах⁵⁶. Гаврилов подробно исследовал не только переселенческие поселки русских крестьян, но и места проживания местных народов, как оседлых, так и кочевых. Отчет снабжен фотографиями, значение которых трудно переоценить, т.к. они представляют живых свидетелей прошлого.

Ввиду того, что большинство переселенцев были представителями Малороссии, то на туркестанскую землю они перенесли особенности строения своего жилища. На снимках нашли отражение виды кишлаков сартов и быт кочевых народов. Из большого количества фотографий нет ни одной, где бы русские поселенцы были бы изображены вместе с представителями коренных народов. Это было, вероятно, большой редкостью.

Гаврилов со всей ответственностью отнесся к порученному ему делу. Согласно его данным, в 1906 г. в Туркестанском крае было всего 74 русских селения численностью 4800 семей. Наибольшее количество было сосредоточено в Сырдарьинской области – 58 поселков численностью

⁵⁵ Всеподданнейший доклад Туркестанского генерал-губернатора о положении Туркестанского края в 1909 г. Ташкент, 1910. С. 3.

⁵⁶ РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1803.

3500 семей⁵⁷. Количество русских «среди миллионной, загадочной в своей замкнутости и религиозном фанатизме толпы туземцев» было ничтожно мало, считал чиновник⁵⁸. В сравнении: в Самаркандской области русские составляли 1,6%: русских – около 5000, туземцев – 880000; в Ферганской области русские составляли 0,6%: русских – 8783, туземцев – 1950000. Такое численное соотношение «народа-завоевателя» к «покоренному инопородческому населению», по мнению чиновника, требовало принятия энергичных мер к усилению русского элемента. В отличие от К.К. Палена, выступавшего за медленную колонизацию, Гаврилов писал о том, что ее промедление уже вызвало непоправимые последствия.

Тем не менее, в отчете содержатся данные, свидетельствующие о влиянии, оказываемом переселенцами на местное население. Так, например, Гаврилов считал, что русские земледельцы увлекли кочевников своим примером; последние стали усиленно распахать земли, т.е. переходить к оседлости. В конце отчета в подлиннике фраза, не вошедшая в заключительную часть, о том, что русские переселенцы вполне доказали свою самостоятельность, когда в отсутствие правительственной помощи они сумели войти в контакт с кочевыми киргизами и договориться об уступке ими земли, а также приобрести земли у оседлого населения⁵⁹. Это было лишнее подтверждение тому, что простым людям, пусть даже разного вероисповедания, легче договариваться без указания свыше.

В заключение своего большого отчета, подвергнув критике деятельность туркестанской администрации и переселенческой организации, Гаврилов предлагал производить нещадное изымание излишек у казахов-кочевников для последующего распределения их под «различного рода государственного значения потребности». В отношении переселенцев чиновник предлагал следующее: «Водворять переселенцев хуторами или разбивать наделы на подворные участки»⁶⁰.

В связи с начавшейся столыпинской аграрной реформой в 1910 г. переселенцы получили право на создание хуторов, после чего был принят закон, позволявший изымать излишки у кочевого населения.

В 1912 г. в Туркестан с инспекцией был направлен главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин, по мнению которого военную власть в регионе следовало сохранить, т.к. она была «понят-

⁵⁷ РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1803. Л. 28.

⁵⁸ Там же. Л. 4.

⁵⁹ Там же. Л. 482.

⁶⁰ Там же. Л. 6–6 об.

нее и внушительнее для притихшей туземной толпы, чем гражданская»⁶¹. В своей Записке на имя императора Николая II Кривошеин большое внимание уделил традиционной туркестанской аграрной культуре – хлопководству. Чтобы расширить земли для выращивания хлопчатника, чиновник предложил не только использование старых орошенных земель, но и создание новых. Он считал, что посредством решения проблемы орошения новых земель будет решена задача усиления русского влияния в Туркестане. Предполагалось обеспечить вновь орошенными землями русское население с условием, что треть земель они отдадут под хлопок. Кривошеин считал необходимым скупать землю у коренного населения края с целью дальнейшего расширения участков для русских поселенцев.

Таким образом, тенденция по обеспечению русских поселенцев новыми землями за счет земель коренного населения в политике Российской империи возобладала. Осуществлять расширение земельных посевов предполагалось не только за счет агрономически развитых районов, но и неосвоенных участков земель, каковых было достаточно в Голодной степи. В 1913 г. чиновник особых поручений В. Тресвятский докладывал заведующему переселением в Сырдарьинском районе, что к осени 1914 г. предполагается закончить работы по орошению Северо-Восточной части Голодной степи. Считалось, что в это время должно начаться усиленное движение переселенцев в Голодную степь⁶². Однако начавшаяся вскоре Первая мировая война внесла свои коррективы и в переселенческую политику Российской империи.

Согласно данным советского историка П.Г. Галузо, который в своей книге «Туркестан – колония», написанной в 1935 г., приводит таблицу, основанную на данных «Сельскохозяйственных обзоров Туркестана за 1914 и 1915 гг.», население русских переселенческих поселков за это время увеличилось в разы. К 1 января 1916 г. число русских селений составляло 530, число дворов – 32355, а число душ обоего пола – 14401981 человек⁶³. Тем не менее, количество русских по отношению к коренному туркестанскому населению все равно оставалось «ничтожным»⁶⁴, как отмечал в своей Записке вслед за Н.А. Гавриловым Кривошеин.

⁶¹ Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 году (Приложение к Всеподданнейшему докладу). Полтава, 1912. С. 78–79.

⁶² РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 145. Л. 9–9 об.

⁶³ Цит. по: *Глуценко Е.А.* Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М., 2010. С. 373.

⁶⁴ Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 году (Приложение к Всеподданнейшему докладу). Полтава, 1912. С. 46.

В августе – сентябре 1916 г. разразилась настоящая война между коренными жителями и русскими поселенцами. Внешним проявлением явилось недовольство жителей Туркестана Высочайшим повелением императора от 25 июня 1916 г. «О привлечении мужского инородческого населения империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно и всяких иных, необходимых для государственной обороны работ». Восстание 1916 г. было направлено против царских властей и проводимой ими политики переселения. В результате жертвами восставших стали переселенцы, местные рабочие, казаки, на защиту которых были направлены царские войска. Им также пришлось защищаться от расправы со стороны русских коренных жителей.

После подавления восстания генералом А.Н. Куропаткиным им было проведено тщательное расследование его причин. В рапорте генерала Николаю II указывалось, что одной из главных причин антиправительственных выступлений была массовая конфискация земель у местного населения и ошибки в переселенческой политике царской власти⁶⁵.

В следующем году после восстания наблюдалось массовое движение переселенцев обратно в Россию. Надо сказать, что за все 50 лет колонизации движение обратно не прекращалось. Это было вызвано непривычным состоянием земледелия, тяжелыми климатическими условиями, а иногда и бездействием местной администрации. Однако наибольшее число «обратных движений» наблюдалось в начале переселения, в 70–80-х гг. XIX в., и в годы войны и революций. В качестве примера можно привести «Прошение в Переселенческое управление» со стороны крестьян села Беловодское Пишпекского уезда Семиреченской области, датированное 19 августа 1917 г. В прошении, в частности, говорилось, что ввиду безработицы и ухудшения отношений с местным населением («буржуазных друг к другу отношений») жизнь в селе стала невозможной, поэтому крестьяне просят «всемилодивейше» отправить их в Терскую область на Кавказ. В конце прошения – 13 подписей с семьями⁶⁶. Из Переселенческого управления крестьянам ответили, что до издания новых законов о земле Учредительным собранием никаких наделений землей быть не может. Поэтому разумнее оставаться на тех местах, где они сейчас проживают⁶⁷.

6 сентября 1917 г. на имя Начальника Переселенческого управления Г.Ф. Чиркина от одного из чиновников особых поручений Переселенче-

⁶⁵ Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов. М., 1960. С. 81–82.

⁶⁶ РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 728. Л. 14–15.

⁶⁷ Там же. Л. 16–16 об.

ского управления поступила докладная записка, где красноречиво описывалось массовое возвращение переселенцев из Туркестана в Россию «за свой счет, бросив имущество, бросив землю», что объяснялось плохим качеством земли, тяжелым житьем семей, «преследуемых и притесняемых киргизами». Движение обратно было вызвано надеждой получить землю в России, тоской по родине и, «действительно, невыносимым положением». Чиновник высказывал опасение о том, что «переселение может заглухнуть окончательно»⁶⁸.

После октябрьских событий 1917 г. русские переселенцы, считавшиеся кулаками, были разорены по прямому указанию новых властей.

Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что идея аккультурации была заключена в самом принципе переселенческой политики Российской империи в Туркестанском крае, поскольку предусматривала сращивание русского и туземного элементов. Русское правительство рассматривало Туркестанский край как национальную окраину России, следовательно, его русификация являлась делом недалекого будущего. При этом следует помнить о том, что российская власть и туркестанская администрация руководствовались «цивилизаторской миссией» России, которая заключалась в необходимости приобщения «диких народов» к европейской цивилизации. Эта идея широко распространялась и служила аргументацией для объяснения необходимости нести «блага» непросвещенному населению. Это, конечно же, накладывало отпечаток и на презрительное отношение переселенцев к представителям коренных национальностей.

Однако основания для аккультурации были, и в начале переселенческой политики ощущалась взаимосвязь русского и коренных народов, которая выражалась, прежде всего, в хозяйственной деятельности. Русские вынуждены были учиться у местных жителей специфичным формам ведения хозяйства, особенно ирригационным работам. Туземное население стало использовать более совершенные орудия труда, перенимать у поселенцев практику сенокосения, заготовления кормов на зиму и т.п. Там, где русские селились среди местного населения, взаимодействие культур ощущалось острее.

Власти при этом старались расселять русских крестьян изолированно, чтобы оградить их от коренного населения из-за опасения, что те были не всегда дружелюбно настроены по отношению к переселенцам. Возможно,

⁶⁸ РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 728. Л. 19.

это и являлось самой крупной ошибкой туркестанской администрации, так как при раздельном проживании говорить о взаимовлиянии не приходится.

Вкупе с презрительным отношением к «дикарям» русские переселенцы не могли и не хотели изучать языки местных народов. Это приводило к столкновению интересов, в ряде мест даже к конфликтам. Случаи, когда русские овладевали знаниями языков коренных народов, изучали их обычаи, были единичными. Препятствием к аккультурации, безусловно, служили межконфессиональные различия. Об этом рассуждал в своем письме туркестанскому генерал-губернатору от 1910 г. ходжентский уездный начальник, указавший на столкновение в этом регионе двух культур – «мусульманской и русской», а также на затруднения, которые встречает в мусульманском мире русская культура, в том числе в силу незнания русскими «местных туземных наречий», что делало их в глазах туземцев «неверными»⁶⁹.

Сама переселенческая политика царской администрации свидетельствовала о ее несовершенстве. Власти оказались не в состоянии помещать все возрастающим потокам переселенцев. Решение А.Б. Вревского о закрытии Туркестана от переселенческих потоков было поддержано правительством, однако отрегулировать этот процесс не удалось. К тому же в центре настаивали на том, что переселенцы должны проживать отдельно от местного населения, следовательно, для них надо было отводить свободные земли с оросительными системами. Поскольку земли не хватало, администрация прибегала к такой непопулярной среди коренного населения мере, как изымание излишек, сначала у кочевого, а затем и у оседлого населения. В конце концов, это превратилось в неприкрытую конфискацию земель.

Переселенческое управление, созданное с целью регулирования всех проблем, связанных с переселенцами, также внесло свою лепту в дело бесхозяйственного разделения земель всевозможными нарушениями и перегибами в своей политике. Орган, который должен был наладить работу переселения, по сути дела, ухудшил ситуацию. Обещание правительства всевозможных льгот переселенцам, которые могли не только рассчитывать на ссуду, но и освобождались от воинской повинности, привело к массовому притоку в Туркестан бродяжких элементов.

Последняя попытка изменить ситуацию и модернизировать переселенческую политику была предпринята графом К.К. Паленом во время его ревизии в 1908–1909 гг. Пален высказался за установление общеимперских законов на территории Туркестана и о замене военной админи-

⁶⁹ Цит. по: *Гинзбург А.И.* Русское население в Туркестане. М., 1991, С. 55.

страции гражданской. Однако новый генерал-губернатор А.В. Самсонов вместо модернизации объявил об изъятии земель у коренных жителей, расширении полномочий генерал-губернатора и распространении (по сути насильственного) русского языка среди туземцев. Главы следующих ревизий в Туркестане Н.А. Гаврилов, П.А. Харитонов, А.А. Поливанов, А.В. Кривошеин выступали за форсированную колонизацию региона. Выводы К.К. Палена были забыты. В конце концов, все недовольство местного населения действиями русской администрации и ее несправедливой переселенческой политикой вылилось в восстание 1916 г.

Можно сделать вывод о том, что аккультурация оказалась невозможной по объективным и субъективным причинам. К первым следует отнести разноконфессиональную направленность, разницу в менталитете, отдаленность территории от России, а ко вторым – неверное заключение русской власти об изоляции русскоязычного населения от местного, изымании у него земельных «излишек», перегибах в работе Переселенческого управления, члены которого часто злоупотребляли своим служебным положением.

Таким образом, переселенческая политика Российской империи в Туркестанском крае носила противоречивый характер, и наряду с положительным фактом присоединения новых территорий власть получила многочисленные проблемы, от которых страдало как коренное население, так и русские переселенцы.

© Брежнева С.Н., 2018

Рукопись поступила: 8 июня 2018 г.

Submitted: 8 June 2018

References

- Abdurahimova N., and Rustamova, G. *Kolonial'naya sistema vlasti v Turkestane vo vtoroy polovine XIX – pervoy chetverti XX vv.* [The colonial system of power in Turkestan in the second half of 19th – first quarter of 20th centuries]. Tashkent: FAN Publ., 1999 (in Russian).
- Arslanov R.A., Klimashin A.L. “Periodicheskie izdaniya Rossii rubezha XIX–XX vv. o sociokul'turnoy adaptatsii russkikh pereselencev v Sredney Azii.” [Russian periodicals of the turn of 19th – 20th centuries of socio-cultural adaptation of Russian immigrants in Central Asia] *RUDN Journal of Russian History* 16, no. 3 (2017): 347–364 (in Russian).
- Barteneva, I.V. “Pereselencheskaya politika Rossiyskoy imperii v Turkestane vo vtoroy polovine XIX veka.” [Resettlement policy of the Russian Empire in Turkestan in

- the second half of the 19th century] *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiyskogo Slavyanskogo Universiteta* 8, no. 7. (2008): 64–69 (in Russian).
- Brezhneva, S.N. “Russkie pereseleny v Turkestane: problemy vzaimootnosheniya s mestnym naseleniem.” [Russian settlers in Turkestan: problems of the relationship with the local population] *Belgorod State University Scientific Bulletin. Seriya: History. Politology* 37, no. 1 (2016): 112–118 (in Russian).
- Brusina, O.I. *Slavyane v Srednej Azii: Etnicheskie i social'nye processy: Konec XIX – konec XX veka* [Slavs in Central Asia: Ethnic and social processes: The late 19th – late 20th century]. Moscow: Vostochnaya literature Publ., 2001 (in Russian).
- Central'naya Aziya v sostave Rossiyskoy imperii* [Central Asia as a part of the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008 (in Russian).
- Cyryapkina, Yu.N. “Osobennosti russkogo pereselencheskogo obshchestva Syrdar'inskoj oblasti v konce XIX – konce XX vv. [Features of the Russian resettlement society of Syrdarya region in the late 19th – late 20th centuries].” *Diaspory* [Diaspora], no. 1 (2012): 6–29 (in Russian).
- “Russkie pereseleny v Turkestane v konce XIX – nachale XX v.: osnovnye sociokul'turnye karakteristiki.” [Russian migrants in Turkestan in the late XIX – early XX century: main socio-cultural characteristics] *Tomsk State University Journal of History*, no. 411 (2016): 183–187 (in Russian).
- Dzhundzhuzov, S.V. “Perekhod v islam orenburgskih kazakov-nagajbakov kak krizisnoe yavlenie v imperskoj politike religioznoj akkul'turacii.” [Transition to Islam of Orenburg Cossacks-nagaibaks as a crisis phenomenon in the Imperial policy of religious acculturation] *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, no. 1 (2018): 81–89 (in Russian).
- Fomchenko, A.P. *Russkie poseleniya v Turkestanskom krae v konce XIX-nachale XX v. (social'no-ehkonomicheskij aspekt)* [Russian settlements in Turkestan in the late 19th – early 20th century (socio-economic aspect)]. Tashkent: FAN Publ., 1983 (in Russian).
- Galuzo, P.G. *Vooruzhenie russkikh pereselencev v Srednej Azii (istoricheskij ocherk)* [Arma-ment of Russian immigrants in Central Asia (historical sketch)]. Tashkent: Sredne-Aziatskiy kommunisticheskij universitet imeni V.I. Lenina Press, 1926 (in Russian).
- *Turkestan-koloniya (Ocherk istorii Turkestana ot zavoevaniya russkimi do revolyucii 1917 g.)* [Turkestan-colony (Essay on the history of Turkestan from Russian conquest to the revolution of 1917)]. Moscow: Kommunisticheskij universitet trudyashchihsya Vostoka imeni I.V. Stalina Press, 1929 (in Russian).
- Gafarov, A.A., and Gafarov, A.N. “Kolonial'naya akkul'turaciya tradicionnogo uklada musul'man Rossijskoj imperii.” [Colonial acculturation of the traditional way of life of Muslims of the Russian Empire] *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta* 15, no. 17 (2012): 296–302 (in Russian).
- Gejer I.I. *Krest'yanskaya kolonizaciya v Syrdar'inskoj oblasti* [Peasant colonization in the Syrdarya region]. Tashkent: S.I. Lahtin's Press, 1892 (in Russian).
- Ginzburg, A.I. *Russkoe naselenie v Turkestane* [The Russian population of Turkestan]. Moscow: Institut etnologii i antropologii AN SSSR Publ., 1991 (in Russian).
- Glushchenko, E.A. *Rossiya v Sredney Azii. Zavoevaniya i preobrazovaniya* [Russia in Central Asia. Conquest and transformation]. Moscow: Centrpoligraf Publ., 2010 (in Russian).

- Godovova E.V. “Stranicy povsednevnoy zhizni narodov Orenburgskogo kraya v nachale XIX veka v kontekste imperskoy politiki akkul'turacii.” [Pages of everyday life of the peoples of the Orenburg region in the early 19th century in the context of the Imperial policy of acculturation] In *Devyatye Bol'shakovskie chteniya. Orenburgskiy kray, kak istoriko-kul'turnyy fenomen. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii*. Mart 1–2, 2018 [Ninth Bolshakov readings. Orenburg region as a historical and cultural phenomenon. Materials of the international scientific and practical conference. Orenburg state pedagogical University, March 1–2, 2018], 322–324. Orenburg: OGPU Press., 2018 (in Russian).
- Hidoyatov, G.A. *Moya rodnaya istoriya* [My own story]. Tashkent: Ukituvchi Publ., 1990 (in Russian).
- Iskhakov, F.B. *Nacional'naya politika carizma v Turkestane (1867–1917)* [National policy of tsarism in Turkestan (1867–1917)]. Tashkent: FAN Publ., 1997 (in Russian).
- Kaganovich, A. *Nekotorye problemy carskoj kolonizacii Turkestana* [Some problems of the Royal colonization of Turkestan]. <http://kungrad.com/history/st/kolon/> (in Russian).
- Kaufman, A.A. *K voprosu o russkoj kolonizacii Turkestanskogo kraja: otchet Chlena Uchenogo Komiteta M-va Z. i G.I. A. A. Kaufmana po komandirovke letom 1903 g.* [On the question of Russian colonization of Turkestan: report of the member of The Scientific Committee of M.Z. and G. A.A. Kaufman on a business trip in the summer of 1903]. St. Peterburg: V.F. Kirshbaum's Press, 1903 (in Russian).
- *Pereselenie i kolonizaciya* [Resettlement and colonization]. St. Peterburg: Obshchestvennaya pol'za Press, 1905 (in Russian).
- Kotyukova, T.V. “Problemy rossijskoj pereselencheskoj politiki v Turkestane v nachale XX v.” [Problems of Russian resettlement policy in Turkestan in the early 20th century] *Voенно-istoricheskij zhurnal*, no. 2 (2010): 58–64; no. 3 (2010): 54–57 (in Russian).
- Lavrent'ev, V. *Kapitalizm v Turkestane (Burzhuaznaya kolonizaciya Srednej Azii)* [Capitalism in Turkestan (Bourgeois colonization of Central Asia)]. Moscow: Komm. Akademiya Press, 1930 (in Russian).
- Lur'e, S.V. “Osobennosti russkoj kolonizacii v Srednej Azii.” [Features of Russian colonization in Central Asia] *Central'naya Aziya*, no. 2 (1997): 20–24 (in Russian).
- Lyubichankovskiy, S.V. “Politika akkul'turacii v usloviyah razrusheniya imperii: kazus volostnogo zemstva.” [Policy of acculturation in the destruction of the Empire: the incident of the volost Zemstvo] *Tomsk State University Journal of History*, no. 50 (2017): 31–37 (in Russian).
- Mahmudova, N.B. “Senatorskaya reviziya grafa K.K. Palena v Turkestane: prichiny, hod, posledstviya.” [Senator's revision of count K.K. Palen in Turkestan: reasons, course, consequences] *Metamorphoses of History*, no. 7 (2016): 134–150 (in Russian).
- “Sostoyanie penitenciarной системы Turkestanskogo kraja v nachale XX v. (po materialam otcheta senatorskoj revizii grafa K.K. Palena.” [The state of the penitentiary system of Turkestan region in the early twentieth century (based on the report of the Senator's audit of count K.K. Palen)] *Metamorphoses of History*, no. 8 (2016): 201–210 (in Russian).

- Morrison, A.S. *Russian Rule in Samarkand 1868–1910. A Comparison with British India*. New York: Oxford University Press, 2011.
- Muriel, J. “Diamond in the rough: The state, entrepreneurs and Turkestan’s hidden resources in late imperial Russia.” *Extending the borders of Russian history*, 183–196. Budapest: CEU (Central European University) Press, 2003.
- Nalivkin, I.B. *Imya tvoe – Uchitel’* [The name of your is Teacher]. Omsk: OmGPU Publ., 2001 (in Russian).
- Perepelicyna L.A. *Vliyanie russkoj kul’tury na kul’turu narodov Srednej Azii* [The influence of Russian culture on the culture of the peoples of Central Asia]. Tashkent: SamGU Publ., 1960 (in Russian).
- Sharova, P. “Pereselencheskaya politika carizma v Srednej Azii.” [Resettlement policy of tsarism in Central Asia] *Istoricheskie zapiski*, no. 8 (1940): 3–36 (in Russian).
- Vasil’ev, D.V. “Obshchestvennoe upravlenie korennoho naseleniya Turkestanskoj oblasti v kontekste akkul’turacii (1864–1866).” [Public administration of the indigenous population of Turkestan in the context of acculturation (1864–1866)] In *Devyatye Bol’shakovskie chteniya. Orenburgskiy kray, kak istoriko-kul’turnyy fenomen. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii* [Ninth Bolshakov readings. Orenburg region as a historical and cultural phenomenon. Materials of the international scientific and practical conference. Orenburg state pedagogical University, March 1–2, 2018], 116–118. Orenburg, OmGPU Publ., 2018 (in Russian).
- Villard, Sanderlend. “Ministerstvo Aziatskoj Rossii: nikogda ne sushchestvovavshee, no imevshee dlya etogo vse shansy kolonial’noe vedomstvo.” [The Ministry of Asiatic Russia: never to have existed, but which had all the chances of the colonial office] In *Martin, Aust, Rikarda, Vul’pius, Aleksej, Miller, eds. Sbornik statey Imperium inter papas: Rol’ transferov v istorii Rossijskoj imperii (1700–1917)* [The role of transfers in the history of the Russian Empire (1700–1917)], 104–149. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010 (in Russian).
- Vosstanie 1916 g. v Srednej Azii i Kazahstane. Sbornik dokumentov* [Uprising of 1916 in Central Asia and Kazakhstan. Collection of documents]. Moscow: AN SSSR Publ., 1960 (in Russian).
- Voshchinin, V. *Ocherki novogo Turkestana. Svet i teni russkoj kolonizacii* [Essays on the new Turkestan. Light and shadow of Russian colonization]. St. Peterburg: Nash vek Press, 1914 (in Russian).
- Vsepoddannejšij doklad Turkestanskogo general-gubernatora o položenii Turkestanskogo kraja v 1909 g.* [The most comprehensive report of the Turkestan Governor-General on the situation of the Turkestan region in 1909]. Tashkent: [S.n.], 1910 (in Russian).
- Zapiska glavnoupravlyayushchego zemleustrojstvom i zemledeliiem o poezdke v Turkestanskij kraj v 1912 godu (Prilozhenie k Vsepoddannejšemu dokladu)* [Note of the chief land management officer and agriculture about the trip to Turkestan in 1912 (Annex to the all-Given report)]. Poltava: [S.n.], 1912 (in Russian).
- Zel’kina, E. *Ocherki po agrarnomu voprosu v Srednej Azii* [Essays on the agricultural issue in Central Asia]. Moscow: Kommunisticheskaya akademiya Press, 1930 (in Russian).
- Zhemchuzhnikov, N.N. *Dvizhenie na Vostok* [Movement to the East]. Moscow: Central’noe izdatel’stvo narodov SSSR Press, 1927 (in Russian).

Archives

Rossiyskiy gosudarstvenniy voenno-istoricheskiy arhiv (thereafter – RGVIA). [Russian state military-historical archive], f. 165, op. 1, d. 293.

RGVIA, f. 165, op. 1, d. 374.

Rossiyskiy gosudarstvenniy istoricheskiy arhiv (thereafter – RGIA) [Russian state historical archive], f. 391, op. 1, d. 295.

RGIA, f. 391, op. 1, d. 787.

RGIA, f. 391, op. 3, d. 1803.

RGIA, f. 391, op. 5, d. 145.

RGIA, f. 391, op. 5, d. 191.

RGIA, f. 391, op. 6, d. 728.

RGIA, f. 396, op. 1, d. 528.

RGIA, f. 1073, op. 1, d. 398.

RGIA, f. 1149, op. 12, d. 130.

RGIA, f. 1396, op. 1, d. 294.

Reflection of acculturation idea in the resettlement policy of the Russian Empire in Turkestan at the turn of the 20th century

Svetlana N. Brezhneva

Leningrad state University named after A. S. Pushkin

10 Peterburgskoe shosse, St. Petersburg, Pushkin, Russia, 196605

brezhneva_s_n_@mail.ru

Abstract: The article deals with the resettlement policy of the Russian Empire in the Turkestan region in the context of acculturation. It is noted that the resettlement of Russian peasants in Turkestan was regulated by the generally accepted Russian legislation, but it had its own local features. The peculiarity of the Russian colonization consisted in the following: firstly, in the region there lived foreign-speaking population with a different mentality and a different religion; secondly, in the most areas Turkestan was conquered by force of arms, and this fact did not add local population's confidence in the Russian authorities. Nevertheless, according to the author, the grounds for acculturation were at the beginning of the resettlement process, when there began to establish economic relations between Russian settlers and local residents. The analysis of the further resettlement policy of the Russian Empire leads to the conclusion that both objective and subjective reasons were the obstacle to further acculturation. The latter ones consisted in the incorrect decision of the Russian authorities on the isolation of the Russian-speaking population from the indigenous population, the withdrawal of "surplus" land from the local population, the excesses in the work of the Resettlement Department, whose members often abused their power. The negative role was also played by the commitment to the Russian authority,

the Turkestan administration, and even Russian settlers' adherence to the "civilizing mission of Russia", explaining the necessity of introducing "wild" peoples to the European civilization, which served as an argument for justifying the need to bear the "good" to "unenlightened peoples". The author makes the conclusion about the imperfection of the resettlement policy of the Russian administration, which consisted in the absence of the legal framework and clear plan of resettlement.

Keywords: Russian Empire, Turkestan region, resettlement policy, acculturation, Resettlement Department, audits, abuses

For citation: Brezhneva, Svetlana N. "Reflection of acculturation idea in the resettlement policy of the Russian Empire in Turkestan at the turn of the 20th century." *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 3 (2018): 608–638. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-608-638